

Оригинальная статья / Original article

УДК 903.59

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-29-46>

Парное погребение раннего бронзового века могильника Мыс Уюга

© Д.Е. Кичигин, Ю.А. Емельянова, А.М. Коростелев

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В 2016 г. сотрудниками Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ проводились рекогносцировочные раскопочные работы на могильнике Мыс Уюга (западное побережье озера Байкал). В результате закладки раскопа № 2, площадью 12 кв. м и глубиной вскрытия до 0,5 м, было раскопано парное одноярусное погребение (№ 2) раннего бронзового века. Надмогильная конструкция сильно разрушена: сохранились лишь камни северо-восточного сектора кладки и плиты перекрытия скелета А (3-й уровень камней). Погребенные мужчина (А) и женщина (В) были уложены на специально подготовленную скальную поверхность материка, близко друг к другу, соприкасаясь кистями рук. Труположение – вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. На костях обоих индивидуумов отмечены остатки бересты. В составе сопроводительного инвентаря скелета А изделие из меди/бронзы цилиндрической формы, кольца из светлого нефрита и подвески/нашивки из клыков марала и тарбагана. В районе головы скелета В обнаружен орудийный набор, состоящий из массивного ножа на кварцевой плитке, и три острия из кости (проколки и нож); под правой тазовой костью обнаружен нож на кварцевом отщепе. По зубам обоих погребенных получены три радиоуглеродные даты, которые с учетом корректировки на пресноводный резервуарный эффект соотносятся с серединой III тыс. до н. э.

Ключевые слова: Приольхонье, Мыс Уюга, неолит, ранний бронзовый век, парное погребение, кольца из светлого нефрита, подвески из зубов марала, клыки тарбагана, нож из кварцита, проколка из кости

Благодарности: Авторы статьи выражают слова благодарности коллегам и друзьям, принимавшим активное участие в раскопках 2016 г., – Матвею Александровичу Портнягину, Михаилу Алексеевичу Исаченко, а также штатному фотографу ЛАПИСЖНСА ИРНИТУ Александру Борисовичу Данилову за фотосъемку предметного комплекса погребения № 2 могильника Мыс Уюга.

Информация о статье: Дата поступления 8 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 11 марта 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Кичигин Д.Е., Емельянова Ю.А., Коростелев А.М. Парное погребение раннего бронзового века могильника Мыс Уюга // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 29–46. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-29-46

Early Bronze Age burial of two persons of the cemetery Mys Uyuga

© Dmitrii E. Kichigin, Yuliana A. Emel'yanova, Aleksey M. Korostelev

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: In 2016, an expedition of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Systems of Subsistence of the People of Northern Asia of Irkutsk National Research Technical University had excavated the Early Bronze Age burial of two persons of cemetery Mys Uyuga (western coast of Lake Baikal). The tombstone structure was severely damaged. Only the stones of the northeast sector of the masonry and the slabs covering the skeleton A (the 3rd level of stones) are preserved. Buried man (skeleton A) and woman (skeleton B) were laid on a specially prepared rock surface, close to each other, touching hands. They lie on their backs with their heads to the West. The remains of a birch bark were found on the bones of these two human individuals. On the skeleton A skull were found 49 pendants made of red deer teeth. On his chest were three rings made of light

jade. Another such ring was in the left eye-socket. We also found one metal (bronze) thing in a small leather bag between his knees and tarbagan marmot fangs on the feet. In the area of the skeleton B head was found an implement set consisting of a massive knife made of quartzite tile and three points made of bone (awls and a knife); under the right pelvic bone was a knife made of quartzite flake. We have three radiocarbon dates taken by from the both individuals teeth. Taking into account its correction for the reservoir effect the burial No. 2 of Mys Uyuga cemetery was committed in the middle of III millennium BC.

Keywords: Olkhon region, Mys Uyuga, Neolithic Age, Early Bronze Age, burial of two persons, rings made of light jade, pendants made of red deer teeth, fangs of tarbagan marmot, knife made of quartzite, bone awl

Acknowledgements: The authors are grateful to colleagues and friends Portnyagin M.A., Isachenko M.A. who took part in the excavations of 2016 and also Danilov A.B. for photographing the associated finds of the burial of two persons of cemetery Mys Uyuga.

Article info: Received February 8, 2019; accepted for publication March 11, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Kichigin D.E., Emel'yanova Yu.A., Korostev A.M. Early Bronze Age burial of two persons of the cemetery Mys Uyuga. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 29–46. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-29-46

Введение

В мае 2016 г. сотрудниками Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ под руководством Д.Е. Кичигина и Ю.А. Емельяновой проводились рекогносцировочные раскопочные работы в юго-восточной части мыса Уюга, где в 2013 г. было раскопано первое неолитическое погребение (Кичигин, 2014).

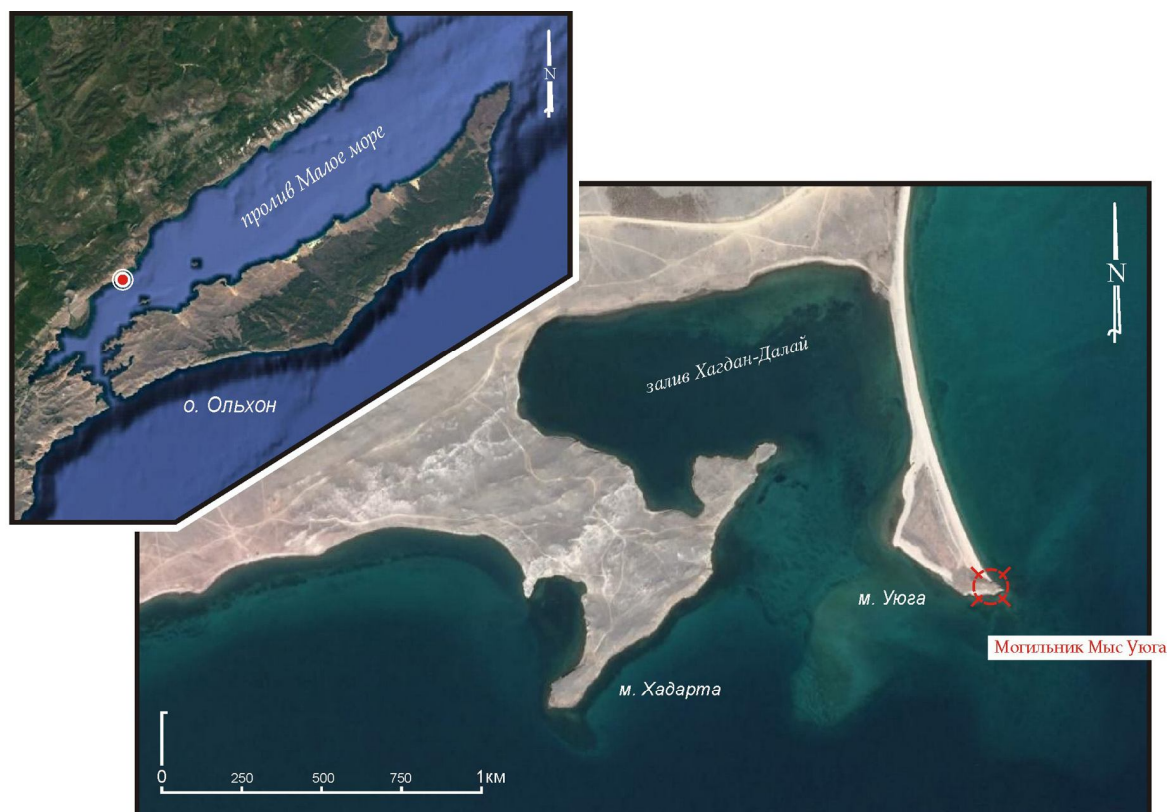
Мыс Уюга – один из живописнейших природных объектов Приольхонья, расположенный на юго-западном побережье пролива Малое море озера Байкал (рис. 1.1). Небольшой полуостров, соединенный с материком галечной косой, оканчивается скальным останцем, достигающим высоты 16,5 м над уровнем Байкала. Со стороны озера (с запада, юга и востока) этот останец обрамлен крутым скальным обрывом, со стороны косы (с севера) – имеет пологий подъем, покрытый, как и весь останец, малорослой травой. С самого мыса открывается удивительный вид на озеро, остров Ольхон и другие малые острова, такие как Шарга-Даган, Ольтрек, Огой и Замогой.

Могильник Мыс Уюга занимает южную (выположенная поверхность вершины мыса, открытая к Байкалу) и северо-западную (склоновая поверхность) части мыса Уюга. Гипсометрические отметки погребений над уровнем оз. Байкал составляют – 6–14 м (рис. 1.2).

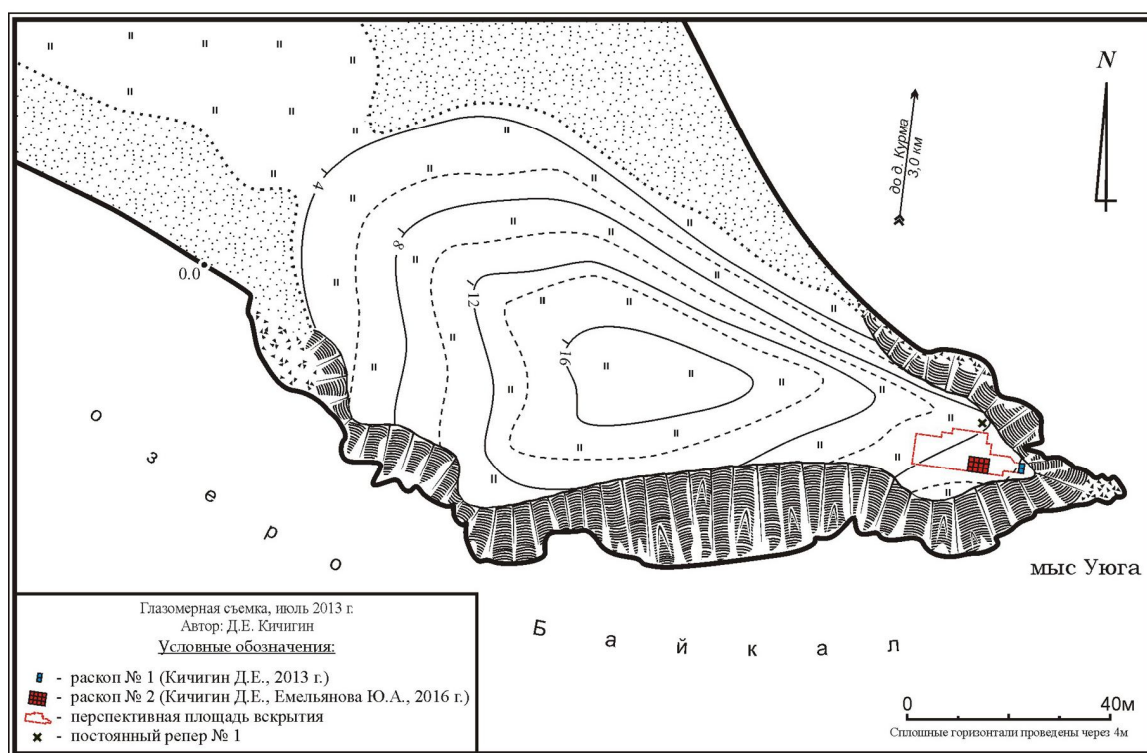
Южная часть скального мыса характеризуется выположенной поверхностью. Эта часть мыса не видна с материка. Почвенный покров здесь малой мощности, повсюду проглядывают цепочки скальных пород, тянущиеся с запада на восток. В юго-восточной части мыса, где пологая площадка переходит в небольшой склон восточной экспозиции, выделяется небольшая по протяженности седловина, ограниченная с юга и севера скальными грядами. В устье этой седловины, у обрыва в Байкал, в 2013 г. туристами и было обнаружено неолитическое погребение.

Северо-западная часть мыса представляет собой склон, ближе к вершине довольно крутой. Практически у подножия склона, на отметках 6–8 м над уровнем озера, в 2017 г. были зафиксированы две каменные выкладки кольцевой формы, диаметрами 3–4 м. Кладки сильно задернованы, контуры конструкций едва прослеживаются по верхушкам камней. Ранее эти выкладки никем из археологов, неоднократно посещавших мыс Уюга, не были отмечены. Выявление их в 2017 г., на наш взгляд, стало возможным только в результате уменьшения мощности почвенного покрова всего мыса по причине вытаптывания современной поверхностью туристами.

Целью настоящей статьи является ввод в научный оборот материалов раскопанного в 2016 г.

1

2

Рис. 1. Местонахождение могильника Мыс Уюга: 1 – спутниковый снимок; 2 – топографический план
Fig. 1. Location of the Mys Uyuga cemetery: 1 – a satellite image; 2 – a topographic plan

парного погребения № 2 могильника Мыс Уюга и его культурно-хронологическая интерпретация.

История исследования

Первое погребение (№ 1) на мысе Уюга было обнаружено туристами в 2013 г. В восточной части скального мыса, у обрыва, где обычно туристами ведется фото- и видеосъемка, в результате вытапывания почвенно-растительного горизонта обнажились человеческие кости, главным образом, череп. Находки были показаны археологам, проводившим исследования недалеко от д. Курмы. На следующий день погребение было раскопано археологическим отрядом ИРНИТУ под руководством Д.Е. Кичигина совместно со школьниками детского археологического лагеря ЦДЮТК (г. Иркутск, руководитель М.Л. Бородина).

По результатам раскопок выяснилось, что погребение № 1 могильника Мыс Уюга было потревожено еще в древности, о чем свидетельствовало существенное нарушение целостности структуры скелета. Наличие надмогильной каменной конструкции проследить не удалось, человеческие останки фиксировались сразу под дерном. Судя по расположению костей черепа, отдельных позвонков и костей ног, погребенная женщина зрелого возраста располагалась вытянуто на спине, головой на ССЗ. В составе сопроводительного инвентаря: игольник из трубчатой кости птицы, резчик на медиальном сегменте пластины; проколка на дистальном сегменте пластины, отщеп со шлифованного изделия, призматические пластины (целые и их фрагменты) и отщепы, кусочек графитита, кости рыбы и клыки нерпы.

Но главной находкой стал развал сосуда хайтинского типа. Осторожная емкость сложной формы с выраженным устьем (118 фр.). Венчик прямой округлой формы, слегка отогнут наружу. Вся внешняя поверхность сосуда покрыта вертикальными оттисками тонкого крученого шнура. На внутренних стенках отчетливо прослеживаются негативы плетеной/вязаной структуры. Преобладает вертикальный распад фрагментов. Устье сосуда с внешней стороны укреплено горизонтальной «лентой», шириной до 2,0–2,3 см, а сам венчик

наложен тонким жгутиком – распад устья по фрагментам-частям хорошо прослеживается. Орнаментальная композиция покрывает верхнюю половину сосуда и состоит из горизонтальных прочерченных линий (15–16 линий), опоясывающих сосуд, и вертикальных зигзагов, выполненных короткими наклонными прочерченными линиями. Оба мотива поочередно зонально сменяют друг друга в горизонтальной проекции. Завершает орнаментальную композицию горизонтальный ряд коротких наклонных прочерченных линий (фестонов). Срез венчика орнаментирован наклонными вдавлениями, выполненными все тем же орнаментом, в качестве которого использовался инструмент с плоским рабочим краем. Диаметр сосуда по венчику (внешний край) составляет 15 см, по тулову (экватор) – 15 см, высота изделия – 16 см (Кичигин, 2014).

Значимость этого погребения (№ 1) состояла в том, что впервые на территории Приольхонья было найдено неолитическое захоронение с керамикой хайтинского типа, которая до этого была отмечена только в материалах стоянок: Саган-Заба-II (VI и V нижний слои), Тышкинэ-II (IX и VIII слои), Шракшур-III (II слой) и др. Возраст культурных слоев этих объектов составляет 8,2–7,0 тыс. л. н. (Горюнова, Новиков, 2017).

На сегодняшний день по погребению № 1 имеются две радиоуглеродные даты – 6910±30 л. н. (Beta-432253) и 7387±38 л. н. (OxA-33242), которые с учетом калибровки соотносятся с первой половиной VI тыс. до н. э.

Материалы раскопок

В целях обнаружения неолитических погребений, что ставилось главной целью работ 2016 г., в 6 м к западу от раскопа № 1, в меж грядовом понижении (в самой седловине), был заложен раскоп № 2, площадью 12 кв. м (3 x 4), ориентированный длинными сторонами по линии 3-В с небольшим отклонением от севера – в 8°. Такое отклонение было обусловлено естественным рельефом юго-восточной части мыса: южная граница раскопа пролегла параллельно скальной гряде, которая ограничивала седловину с юга, за ней начинался

резкий обрыв в Байкал. В перспективе дальнейших исследований раскопочными квадратами охватывалась бы вся площадь седловины, в ее естественных границах.

На поверхности земли никаких каменных выкладок и отдельных торчащих камней не прослеживалось. В общей сетке перспективной площади вскрытия юго-восточной части мыса Уюга раскопочные квадраты раскопа № 2 впоследствии получили номера 12F, 12G, 12H, 13F, 13G, 13H, 14F, 14G, 14H, 15F, 15G, 15H.

После вскрытия дерна отмечалось колоссальное количество камней разных размеров, преимущественно мелких, разбросанных по всей площади раскопа и не составляющих каких-либо каменных конструкций – первый и второй уровни камней (рис. 2.1). Археологический материал, в большей степени, неолитического облика, фиксировался по всей площади раскопа сразу под дерном в кровле и средней части темно-серой супеси с включением дресвы и крупных фракций гнейса на глубине 6–27 см. Он включал призматические пластины и отщепы из кремня, фрагменты керамики хайтинского типа и фрагменты битой кости. Какой-либо определенной локации находки в раскопе не составляли.

На глубине 25–38 см от современной поверхности земли в квадратах 14F, 15F, 14G, 15G, 14H, 15H был зафиксирован третий уровень камней. В отличие от первых двух уровней здесь камни и плиты составляли подобие искусственной конструкции аморфной формы, размерами 2,6 x 1,7 м, вытянутой длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируют от 15 x 8 x 3 см до 39 x 18 x 7 см (рис. 2.2).

Эта каменная кладка изначально была принята нами за надмогильную конструкцию неолитического погребения с ориентировкой погребенного головой на северо-восток, что в целом отвечало главной цели работ 2016 г. Однако после разбора этой конструкции оказалось, что камни юго-западной части кладки являются остатками каменного перекрытия совсем другого погребения.

Погребение № 2 обнаружено в квадратах 14–15G, H на глубине 37–45 см от современной по-

верхности земли. Надмогильная конструкция сильно разрушена, сохранились лишь камни северо-восточного сектора кладки и плиты перекрытия скелета А (рис. 2.2). Могильная яма ни на одном уровне расчистки не прослеживается. Захоронение одноярусное, парное, включало останки двух индивидуумов, располагавшихся рядом друг с другом. Кисти рук погребенных соприкасались. Погребенные уложены непосредственно на скальную поверхность (материк), которая была специально подготовлена (выровнена), о чем свидетельствует подбой материка в 30 см к западу от погребенных и более горизонтальное расположение костяков относительно современной наклонной поверхности земли и цоколя/материка (рис. 3.3).

Труположение вытянуто на спине, головой на ЗСЗ по азимуту 289°. Судя по первым половозрастным определениям, северный скелет (А) принадлежит мужчине, южный скелет (В) – женщине. Мужской скелет А в хорошей сохранности, лежит в анатомической последовательности. Череп покоится на левой височной кости. Ноги у скелета прямые, слегка разведены, руки вытянуты вдоль тела, кисть левой руки в сомкнутом положении, кисть правой – соприкасается с кистью скелета В и незначительно покрывает ее. Правую ступню накрывает каменная плита бурого цвета (возможно, результат нагрева в костре). Размеры плиты 24 x 16 x 4 см (рис. 4).

Женский скелет (В), в верхней его части, сильно потревожен. Отдельные ребра, позвонки, обе ключицы и нижняя челюсть черепа фиксировались в перемешанном состоянии на более высоких гипсометрических отметках в квадратах 13–14H, что объясняется отчасти результатом жизнедеятельности полевых грызунов (рис. 2.1). Анатомический порядок сохраняют лишь кости левой руки, локтевая кость правой руки, тазовые кости и кости ног. Череп, к сожалению, не найден. Судя по сохраняющим анатомический порядок костям у скелета прямые ноги, руки вытянуты вдоль тела (рис. 3, 4).

На костях разных отделов скелета обоих индивидуумов отмечены остатки бересты, что свидетельствует о том, что погребенные были накрыты берестяным «покрывалом». К северо-востоку от

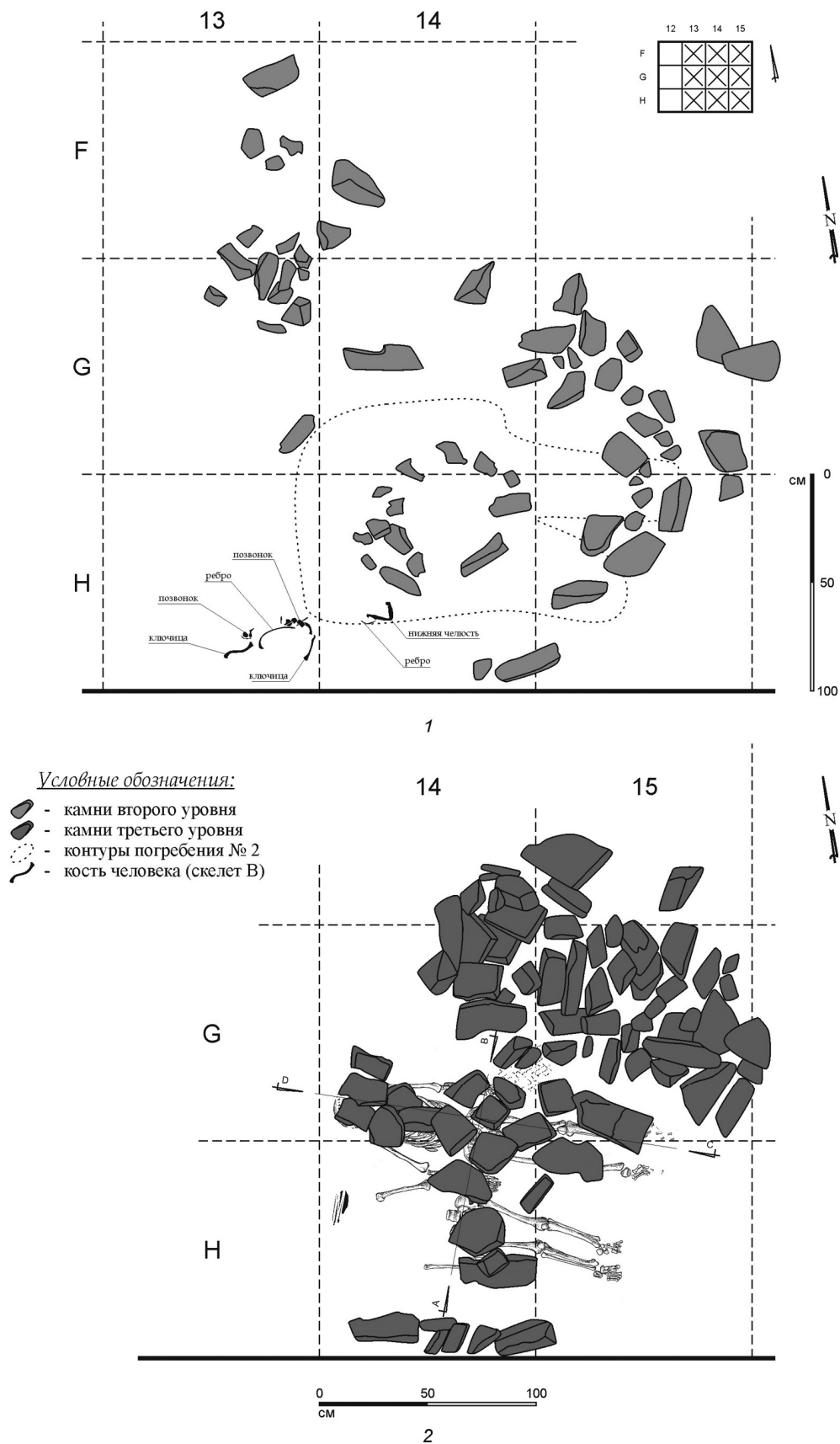

Рис. 2. Планы раскопа № 2. Второй (1) и третий (2) уровни камней, контуры погребения № 2
Fig. 2. Plans of the excavation No. 2. The second (1) and the third (2) levels of stones, the burial No. 2 contours

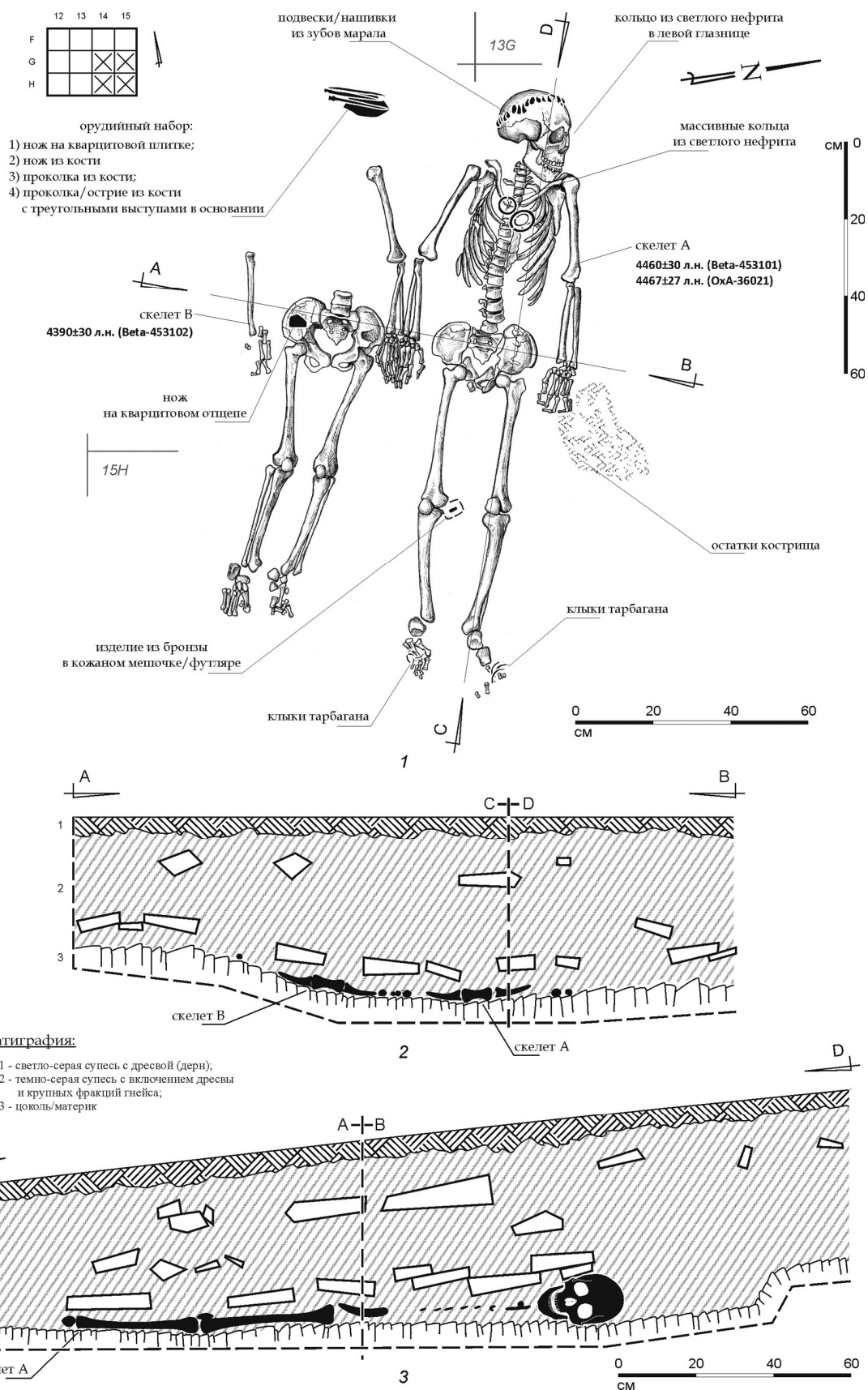

Рис. 3. Погребение № 2. План (1) и разрезы (2, 3)
Fig. 3. The burial No. 2 on a plan (1) and in sections (2, 3)

Рис. 4. Погребение № 2
Fig. 4. The burial No. 2

левой кисти скелета А отмечены остатки «очистительного огня». Размеры прокала 30 x 24 см (рис. 3.1; 4).

Сопроводительный инвентарь скелета А погребения № 2 включает элементы погребального костюма и одно изделие из меди/бронзы цилиндрической формы (рис. 3–7):

– *Подвески/нашивки из зубов марала*. На черепе зафиксировано 49 подвесок (нашивок) из зубов марала, которые, по-видимому, являлись украшениями головного убора (рис. 3.1, 7.1).

– *Кольца из светлого нефрита*. В левой глазнице найдено одно кольцо из светлого нефрита (рис. 5.4, 6.1). Размеры изделия: внешний диаметр 3,5 см, внутренний диаметр 1,6 см, толщина 0,5 см. На груди погребенного обнаружено три крупных кольца из светлого нефрита (рис. 5.1), одно из которых (внешний диаметр 5,5 см, внутренний диаметр 3,6 см, толщина 0,6 см) расположено к юго-западу от позвоночного столба (рис. 5.3), два других – одно вложено в другое – к северо-востоку (рис. 5.2, 5). Размеры самого большого кольца: внешний диаметр 7,8 см, внутренний диаметр 5,5 см, толщина 0,3–0,5 см (рис. 5.5). Размеры вложенного кольца: внешний диаметр 5,0 см, внутренний 3,3 см, толщина 0,2–0,4 см (рис. 5.2).

– *Металлическое изделие*. В 2 см к востоку от верхнего эпифиза большой берцовой кости (в районе правой коленки) отмечено металлическое изделие (из бронзы или меди?) цилиндрической формы, помещенное в кожаную сумку/чехол (рис. 6.2). В целях сохранения изделия предмет был извлечен вместе с землей и законсервирован. На момент написания статьи реставрационные работы еще не проведены.

– *Клыки тарбагана*. Поверх ступней погребенного отмечены клыки тарбагана (по три клыка на каждую ступню), которые, по-видимому, являлись украшениями обуви (рис. 7.2, 3).

Сопроводительный инвентарь скелета В погребения № 2 включает орудия из камня и кости (рис. 3.1, 4, 8). В районе головы отмечен набор из четырех орудий (рис. 8.1, 3, 4, 5), под правой тазовой костью – нож на кварцитовом отщепе (рис. 8.2).

– *Орудийный набор в районе головы*. Первое изделие, расположенное ниже всех остальных и выступившее в качестве подложки для костяных орудий – нож на массивной кварцитовой плитке, размерами 12,6 x 6,6 x 0,7 см. Лезвие, протяженностью по дуге 9,6 см, оформлено двухсторонней ретушью на одном из длинных краев (рис. 8.1). Три остальных изделия сделаны из кости. Два из них интерпретируются как проколки/шилья. Первая из них размерами 15,9 x 1,3 x 0,7 см (рис. 8.3). У второго острия, размерами 16,5 x 1,9 x 0,6 см, в основании имеются два треугольных выступа, предназначенных, возможно, для лучшей фиксации изделия к рукояти (возможно, из дерева) (рис. 8.4). Третье костяное орудие, размерами 16,1 x 0,9 x 0,4 см, выполнено на длинной кости посредством двухсторонней шлифовки (заточки) одного из ребер (рис. 8.5). Возможно, это нож для разделывания рыбы.

– *Нож на кварцитовом отщепе*. Под правой тазовой костью найдено еще одно изделие – нож на кварцитовом отщепе, размерами 4,8 x 3,6 x 0,3 см. Лезвие прямое, протяженностью 4,6 см, оформлено двухсторонней ретушью (рис. 8.2).

Каких-либо других находок – орудий или элементов погребального костюма – в районе женского скелета В не обнаружено.

Археологический материал, обнаруженный в раскопе № 2 и не относящийся к материалам погребения № 2, составляет 459 находок. Среди них: битая керамическая посуда, преимущественно неолитического времени (29,41 %), изделия и их фрагменты, отщепы и сколы из кремня и кварцита (20,04 %), изделия и их фрагменты из кости (0,65 %), фаунистические остатки и человеческие останки (фаланги, ребра, зубы и др.) (49,89 %). Количество находок на раскопный квадрат составляет от 23 до 47 предметов.

Обсуждение

Подобные уюгинскому погребения хорошо известны в Приольхонье по результатам раскопок могильников неолита – раннего бронзового века Шаманский Мыс I, Улан-Хада II и IV, Харансин I, Сарминский Мыс, Улярба, Хужир-Нүгэ XIV,

**Рис. 5. Погребение № 2, скелет А. Кольца из светлого нефрита: 1 – деталь погребения (фото);
2, 3, 5 – кольца в районе груди; 4 – кольцо в левой глазнице**
**Fig. 5. The burial No. 2, skeleton A. Rings of light jade: 1 – photo of the burial part; 2, 3, 5 – rings in the chest;
4 – a ring in the left eye-socket**

1

2

Рис. 6. Погребение № 2, скелет А. Детали погребения: 1 – кольцо из светлого нефрита в левой глазнице;
2 – изделие из меди/бронзы цилиндрической формы в районе правой коленки
Fig. 6. The burial No. 2, skeleton A. Photo of the burial parts: 1 – a ring of light jade in the left eye-socket; 2 – a cylindrical copper / bronze thing near right knee

Рис. 7. Погребение № 2, скелет А. Элементы погребального костюма: 1 – подвески/нашивки из зубов марала; 2, 3 – клыки тарбагана

Fig. 7. The burial No. 2, skeleton A. Burial costume decorations: 1 – pendants made of red deer teeth; 2, 3 – fangs of tarbagan marmot

Рис. 8. Погребение № 2, скелет В. Сопроводительный инвентарь: 1 – массивный нож на кварцевой плитке; 2 – нож на кварцевом отщепе; 3 – проколка из кости; 4 – острие с треугольными выступами в основании; 5 – нож из кости

Fig. 8. The burial No. 2, skeleton B. Funeral set: 1 – a knife made of quartzite tile; 2 – a knife made of quartzite flake; 3 – a bone awl; 4 – a bone point with triangular protrusions at the base; 5 – a knife made of bone

Хадарта IV, Курма XI и др. (Конопацкий, 1982; Комарова, Шер, 1992; Горюнова, Хлобыстин, 1992; Качалова, Черников, 1992; Харинский, Сосновская, 2000; Горюнова, 2002; Горюнова, Новиков, Зяблин, Смотров, 2004; Новиков, Вебер, Горюнова, 2010; Горюнова, Новиков, Лбова, 2010; Горюнова, Вебер, Новиков, 2012). Они представляют отдельный пласт погребений, характеризующих ранний бронзовый век Прибайкалья, и относятся к так называемой *глазковской культурной общности* или *глазковскому культурно-историческому этапу*, который датируется в рамках конца IV – середине II тыс. до н. э. (Новиков, Горюнова, 2014).

Погребения глазковской культурной общности (термин «глазковские погребения» является устаревшим) отмечены в разных районах Прибайкалья и характеризуются определенным набором общих признаков, однако в ориентировке погребенных имеются территориальные различия.

Так, в долине р. Ангара преобладает СЗ ориентировка погребенных, интерпретируемая как речная – вниз по течению реки (Окладников, 1955). На Южном Байкале в захоронениях *южнобайкальского типа* погребенные располагались вытянуто на спине, головой на С (Туркин, Харинский, 2004). В Приольхонье – погребения *саган-нугзайского типа* с ориентировкой на З с небольшими меридиональными отклонениями (Харинский, Сосновская, 2000; Новиков, Горюнова, 2014). На Северном Байкале пока отмечено единственное погребение (Красный Яр I, № 5), в котором умершая женщина располагалась вытянуто на спине, головой на СЗ (Коростелев, 2003). В Южном Забайкалье – по материалам Фофановского могильника преобладаю-

щей является ориентировка погребенных головой на В, в редких случаях на ЮВ и СВ (Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008).

Среди общих черт следует выделить преобладающее трупоположение (вытянуто на спине), наличие берестяного чехла или «покрывала» для погребенного, засыпку охрой части погребения, очистительный огонь, наличие в составе сопроводительного инвентаря изделий из меди и бронзы, орудий из зеленого нефрита (топоры, тесла и ножи), наконечников стрел треугольной и листовидной форм, ножей-бифасов, костяных изделий (проколки, иглы и др.), украшений из белого нефрита (диски, кольца и полукольца) и зубов марала.

На сегодняшний день по раскопанному на мысе Уюга погребению № 2 имеются три радиоуглеродные даты, полученные по зубам обоих индивидуумов (табл., рис. 9).

С учетом калибровки и поправки на резервуарный эффект совершение погребения (наложением калиброванных дат) приходится на середину III тыс. до н. э. (Reimer et al., 2013; Schulting et al., 2014; Bronk Ramsey, 2017).

В сравнении с радиоуглеродными датами, полученными по останкам погребенных из ближайших к мысу Уюга могильников раннего бронзового века – Хадарта IV (в 1,7 км к ЗСЗ) и Курма XI (в 3,5 км к ССВ) – сами даты по погребению № 2 могильника Мыс Уюга являются более древними (Харинский, Сосновская, 2000; Горюнова, Вебер, Новиков, 2012). Не исключено и можно отметить в качестве предположения, что первыми «глазковцами», населяющими район д. Курмы, для совершения погребений изначально был выбран мыс

Таблица

Радиоуглеродное датирование погребения № 2 могильника Мыс Уюга

Table

Radiocarbon dating of the grave Nr. 2 of the cemetery Mys Uyuga

№	Погреб., скелет	Материал	Дата, л. н.	Шифр	d13C	d15N	Калиброванный возраст, до н. э.
1.	2-A	зуб HS	4460±30	Beta-453101	-18,1	16,0	2840–2299
2.	2-A	зуб HS	4467±27	OxA-36021	-17,1	17,1	2863–2351
3.	2-B	зуб HS	4390±30	Beta-453102	-17,7	17,5	2470–2065

OxCal v4.3.2 Bronk Ramsey (2017); r5 IntCal13 atmospheric curve (Reimer et al 2013)

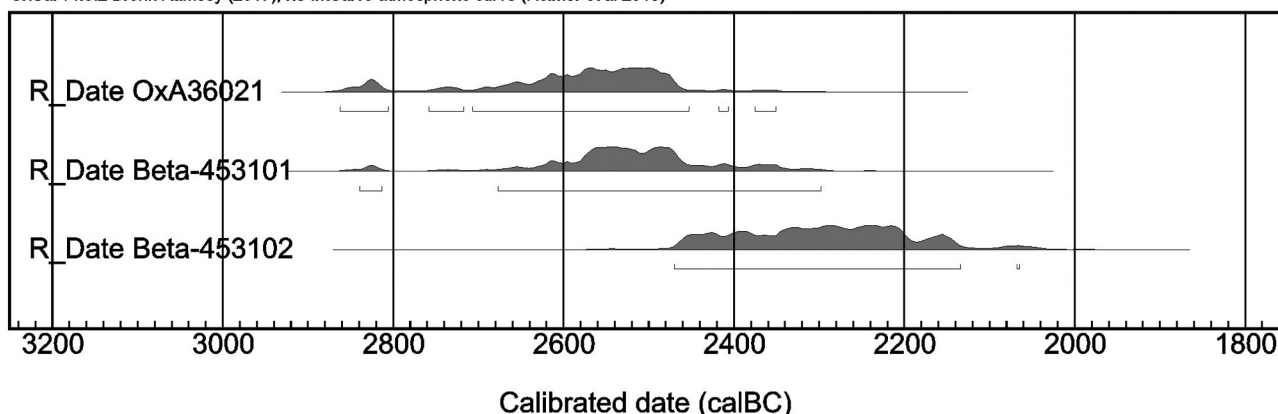

Рис. 9. Радиоуглеродное датирование по зубам индивидуумов А и В погребения № 2 могильника Мыс Уюга
Fig. 9. Radiocarbon dating of the burial No. 2 of the Mys Uyuga cemetery by teeth of human individuals A and B

Уюга. Но впоследствии по ряду причин (ограниченность пространства, большая концентрация более ранних погребений и др.) пришлось искать другое место для совершения погребений.

Культурный слой раскопа № 2 могильника Мыс Уюга – смешанный, компрессионный, мощностью 13–21 см, включает разрозненные культурные остатки главным образом эпохи неолита (и раннего бронзового века) и фаунистический материал, в том числе отдельные кости человека, не составляющие каких-либо сочленений (результата разброса). Характер культурного слоя раскопа объясняется как естественными (природными), так и антропогенными факторами.

На смешанный характер культурного слоя оказали влияние естественные склоновые процессы и деятельность полевых грызунов, чьи кости также фиксируются по всей площади раскопа. Нарушение части скелета В парного погребения № 2 также объясняется результатом жизнедеятельности сусликов – часть костей верхних отделов скелета разбросана по одной линии, возможно, соответствующей норе грызуна (рис. 2.1).

Однако ведущим фактором формирования культурного слоя могильника Мыс Уюга, на наш взгляд, выступает антропогенный фактор. Хаотичное распространение неолитического материала в комплексе с отдельными человеческими костями, фиксируемыми на разных глубинах в раскопе, скорее всего, свидетельствуют о том, что люди эпохи палеометалла, совершая погребения своих сопле-

менников (копали ямы, собирали камни), так или иначе уничтожали погребения предшествующего времени (сознательно или неосознанно). Примечательно, что одним из характерных признаков погребений раннего бронзового века Приольхонья является наличие «очистительного огня» (рис. 3.1, 4). Не исключено, что погребения раннего бронзового века впоследствии также подвергались разграблению.

Заключение

Раскопанное в 2016 г. парное погребение № 2 могильника Мыс Уюга стало еще одним из более чем 180 подобных раскопанных погребений эпохи раннего металла в Приольхонье. Однако сам факт обнаружения достаточно хорошо сохранившегося погребения, не обозначенного на поверхности земли какими-либо первичными признаками погребального комплекса (западина, каменная конструкция и отдельно торчащие камни) кардинальным образом изменил представления авторов статьи на объект в целом. Станет очевидным, что незначительные по мощности рыхлые отложения седловины юго-восточной части мыса могут содержать как неолитические, так и раннебронзовые погребения.

Цель работ 2016 г. будет достигнута результатами работ на могильнике в 2017 г., когда оба раскопа (№ 1 – 2013 г. и № 2 – 2016 г.) будут объединены и расширена площадь вскрытия в пределах седловины юго-восточной части мыса. Тогда выяс-

нится, что в отличие от других некрополей эпохи неолита – палеометалла Приольхонья неолитические погребения на могильнике Мыс Уюга количественно преобладают над раннебронзовыми, примерно, в соотношении 80 % к 20 %. Таким образом,

Библиографический список

Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск: Изд-во Иркут. университета, 2002. 83 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Керамика раннего неолита из поселений побережья озера Байкал // Тр. V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул. 2017. Т. 1. С. 137–140.

Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск: Изд-во Иркут. университета, 1992. С. 41–56.

Горюнова О.И., Вебер А.В., Новиков А.Г. Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья: могильник Курма XI. Иркутск: Изд-во Иркут. университета, 2012. 271 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Лбова Л.В. Раскопки могильника бронзового века Хадарта IV на побережье оз. Байкал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. 2010. Т. 16. С. 181–185.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Зяблин Л.П., Смотров В.И. Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл), Новосибирск, 2004. 88 с.

Качалова Н.К., Черников С.С. Могильники в окрестностях поселка Харансы и озера Елга на острове Ольхон // Древности Байкала. Иркутск: Изд-во Иркут. университета, 1992. С. 77–83.

Кичигин, Д.Е. Неолитическое погребение на мысе Уюга (оз. Байкал) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл, 2014. Ч. 1. С. 93–97.

Комарова М.Н., Шер Я.А. Могильники бухты Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск: Изд-во Иркут. университета, 1992. С. 32–41.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). Новосибирск: Наука, 1982. 176 с.

Коростелев А.М. Погребения эпохи бронзы на побережье Северного Байкала // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: материалы Всерос. (с междунар. участием) XLIII археолог.-этнограф. конф. и молод. ученых. Томск, 2003. С. 174–175.

доступная для совершения погребений площадка на мысе Уюга к моменту распространения в районе первых изделий из бронзы в большей степени уже была занята погребениями новокаменного века.

References

Goriunova O.I. 2002. Ancient burial grounds of the Baikal region (Neolithic and Bronze Age). Irkutsk: Irkutsk State University Publ. 83 p. (In Russ.)

Goriunova O.I., Novikov A.G. 2017. Ceramics of the Early Neolithic from the settlements of the coast of Lake Baikal. *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurikhe* [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha]. Barnaul. Vol. 1. Pp. 137–140. (In Russ.)

Goriunova O.I., Khlobystin L.P. 1992. The dating of settlement and burials complexes of Ulan-Khada Bay. *Drevnosti Baikala* [Antiquities of Baikal]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ. Pp. 41–56. (In Russ.)

Goriunova O.I., Weber A.W., Novikov A.G. 2012. Burial complexes of the Neolithic and Bronze Age in the Olkhon region: Kurma XI burial ground. Irkutsk: Irkutsk State University Publ. 271 p. (In Russ.)

Goriunova O.I., Novikov A.G., Lbova L.V. 2010. Excavations of the burial site of the Bronze Age Khadarta IV at the coast of Lake Baikal. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]. Novosibirsk. Vol. 16. Pp. 181–185. (In Russ.)

Goriunova O.I., Novikov A.G., Zyablin L.P., Smotrova V.I. 2004. Ancient graves of the Ulyarba burial ground at Baikal (the Neolithic and Metal Ages). Novosibirsk. 88 p. (In Russ.)

Kachalova N.K., Chernikov S.S. 1992. Burial grounds in the vicinity of Haransy village and Lake Elga on Olkhon Island. *Drevnosti Baikala* [Antiquities of Baikal]. Irkutsk. Pp. 77–83. (In Russ.)

Kichigin D.E. 2014. Neolithic burial at the cape Uyuga (Lake Baikal). *Drevnie kultury Mongolii i Baikalskoi Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Kyzyl. Vol. 1. Pp. 93–97. (In Russ.)

Komarova M.N., Sher Ya.A. 1992. Burial grounds of Ulan-Khada Bay. *Drevnosti Baikala* [Antiquities of Baikal]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ. Pp. 32–41. (In Russ.)

Konopatskii A.K. 1982. The ancient cultures of Baikal (Olkhon island). Novosibirsk: Nauka Publ. 176 p. (In Russ.)

Korostelev A.M. 2003. Bronze Age burials at the coast of Northern Baikal. *Kultura Sibiri i sopredelnykh territorii v proshlom i nastoyashchem: materialy XLIII Vserossiiskoi arheologo-etnograficheskoi konferencii molodykh uchenykh* [Culture of Siberia and neighboring territories in the Past and Present. Materials of the XLIII All-Russian Archeological

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск, 2008. 248 с.

Новиков А.Г., Вебер А.В., Горюнова О.И. Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья: могильник Хужир-Нугэ XIV. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 296 с.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Погребальная практика охотников-рыболовов бронзового века Приольхонья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл, 2014. Ч. 1. С. 81–85.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Ч. 3. 374 с. (МИА; № 43).

Туркин Г.В., Харинский А.В. Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита – бронзового века на Южном Байкале // Известия Лаборатории древних технологий. 2004. Вып. 2. С. 124–158.

Харинский А.В., Сосновская Н.С. Могильник бронзового века Хадарта IV // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск: Изд-во Иркут. пед. университета, 2000. Вып. 2. Ч. 2. С. 66–100.

Bronk Ramsey, C., 2017. OxCal 4.2.4.

Reimer, P.J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J.W., Blackwell, P.G., Bronk Ramsey, C., Buck, C.E., 2013. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. Radiocarbon 55 (4), 1869–1887.

Schulting, R.J., Bronk Ramsey, C., Goriunova, O.I., Bazaliiskii, V.I., Weber, A. 2014. Freshwater reservoir offsets investigated through paired human-faunal 14C dating and stable carbon and nitrogen isotope analysis at Lake Baikal, Siberia. Radiocarbon 56(3): 991–1008.

Сведения об авторах

Кичигин Дмитрий Евгеньевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: kichkok@rambler.ru

Емельянова Юлия Андреевна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский техниче-

and Ethnographic Conference of Young Scientists]. Tomsk. Pp. 174–175. (In Russ.)

Lbova L.V., Zhabaltarova E.D., Konev V.P. 2008. Burial complexes of the Neolithic and Early Bronze Age of Transbaikalia (the formation of archetypes of primitive culture). Novosibirsk. 248 p. (In Russ.)

Novikov A.G., Weber A.W., Goriunova O.I. 2010. Burial complexes of the Bronze Age of the Baikal region: Khuzhir-Nuge XIV cemetery. Novosibirsk. 296 p. (In Russ.)

Novikov A.G., Goriunova O.I. 2014. The burial practice of hunters-fishermen of the Bronze Age of Olkhon region. *Drevnie kultury Mongolii i Baikalskoi Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Kyzyl. Pt. 1. Pp. 81–85. (In Russ.)

Okladnikov A.P. 1955. Neolithic and Bronze Age of the Cis-Baikal region (MIA. № 43). Moscow-Leningrad: AS USSR Publ. Pt. 3. 374 p. (In Russ.)

Turkin G.V., Kharinskii A.V. 2004. The Shamanka II cemetery: to the question of the chronology and cultural affiliation of the Neolithic and Bronze Age burial complexes in South Baikal. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk. Iss. 2. Pp. 124–158. (In Russ.)

Kharinskii A.V., Sosnovskaya N.S. 2000. The Bronze Age Khadarta IV cemetery. *Baikalskaya sibir v drevnosti* [Baikal Siberia in Antiquity]. Irkutsk: Irkutskogo pedagogicheskogo universiteta Publ. Iss. 2. Pt. 2. Pp. 66–100. (In Russ.)

Bronk Ramsey, C., 2017. OxCal 4.2.4.

Reimer, P.J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J.W., Blackwell, P.G., Bronk Ramsey, C., Buck, C.E., 2013. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. Radiocarbon 55 (4), 1869–1887.

Schulting, R.J., Bronk Ramsey, C., Goriunova, O.I., Bazaliiskii, V.I., Weber, A. 2014. Freshwater reservoir offsets investigated through paired human-faunal 14C dating and stable carbon and nitrogen isotope analysis at Lake Baikal, Siberia. Radiocarbon 56(3):991–1008.

Information about the authors

Dmitrii E. Kichigin,

Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy, staff of the Laboratory of Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of the Peoples of Northern Asia, Irkutsk National Researching Technical University, 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation, e-mail: kichkok@rambler.ru

Yuliana A. Emel'yanova,

Cand. Sci. (History), staff of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of the Peoples of Northern Asia, Irkutsk National Researching Technical University,

ский университет,
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: tonag@inbox.ru

Коростелев Алексей Михайлович,
научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэко-
логии и систем жизнедеятельности народов Северной
Азии,
Иркутский национальный исследовательский техниче-
ский университет,
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: alex-korostelev@yandex.ru

83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: tonag@inbox.ru

Aleksey M. Korostelev,
staff of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and
Subsistence of Peoples of the Northern Asia,
Irkutsk National Researching Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: alex-korostelev@yandex.ru

Критерии авторства

Д.Е. Кичигин, Ю.А. Емельянова, А.М. Коростелев
выполнили исследовательскую работу, на основании
полученных результатов провели обобщение, подгото-
вили рукопись к печати, имеют на статью авторские
права и несут полную ответственность за ее оригиналь-
ность.

Attribution criteria

Kichigin D.E., Emel'yanova Yu.A., Korostelev A.M.
made the research work, on the basis of the results con-
ducted a compilation, prepared the manuscript for publica-
tion, they own the copyright on this article and solely re-
sponsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интере-
сов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.